

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.В. Наумкин*

ГЛУБОКО РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: КОНФЛИКТНОСТЬ, НАСИЛИЕ, ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Волна насилия, захлестнувшая в последние годы страны Ближнего и Среднего Востока, не только до предела обострила региональные конфликты, но и грозит выплеснуться за его пределы. В данной статье предпринята попытка проанализировать причины роста конфликтности в арабском мире и наметить наиболее вероятные сценарии развития событий в регионе в условиях неуклонно нарастающего внешнего силового вмешательства. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает теория глубоко разделенных обществ (ТГРО). Рассмотрены критерии, позволяющие отнести то или иное общество к категории глубоко разделенных, а также основные пути разрешения конфликтов в ГРО. При этом автор подчеркивает, что, хотя во многих арабских странах существовали многочисленные этноконфессиональные, классовые, родоплеменные и подобные антагонизмы, подлинным катализатором взрыва межобщинного насилия в регионе стало бесцеремонное вооруженное вмешательство глобальных держав во главе с США. В качестве примеров приведены конфликты в Афганистане и Ираке. Особое внимание в этой связи уделено перспективам развития курдского вопроса в Ираке, Сирии и Турции. В статье показано, что во многом именно внешним вмешательством объясняется невиданный подъем религиозного фанатизма и экстремизма в регионе, в частности резкое усиление самой радикальной исламистской группировки —

---

* *Наумкин Виталий Вячеславович* — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vinaumkin@yandex.ru).

«Исламского государства». Автор подчеркивает, что в то время как в результате внешнего силового вмешательства западных стран перспективы стабилизации в глубоко расколотых обществах Ближнего и Среднего Востока становятся все более призрачными, угроза дальнейшего распространения «раковой опухоли» терроризма за пределы региона, напротив, приобретает вполне реальные очертания.

Ключевые слова: Ближний Восток, глубоко разделенные общества, «Исламское государство», Ирак, Сирия, Турция, Афганистан, курдский вопрос, США, исламский фундаментализм, международный терроризм, этнорелигиозные конфликты, стратегия «смены режима».

Первые полтора десятилетия XXI в. были отмечены беспрецедентно высоким уровнем конфликтности и насилия в ряде стран Арабского Востока и в Афганистане. Известный арабский журналист Хишам Мельхем пишет: «В арабском мире сегодня больше насилия, он более нестабилен, фрагментирован и движим экстремизмом — экстремизмом правителей и тех, кто находится в оппозиции, — более чем когда бы то ни было с момента распада Османской империи столетие назад»¹.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть феномен роста конфликтности и насилия в этом регионе, его ключевые проявления и последствия через призму теории *глубоко разделенных обществ* (deeply divided societies, ТГРО) [Guelke, 2004, 2012; Kumar, 2009; McCullough, 2014]. При этом следует оговориться: ни одна из существующих теорий в гуманитарных науках не может исчерпывающим образом объяснить названный феномен, речь идет лишь об использовании инструментов возможно большего числа концепций и подходов для достижения адекватного знания о столь сложном предмете. В качестве примера в статье будут рассмотрены в первую очередь Сирия и Ирак, а также, в меньшей мере, некоторые другие арабские страны (к ГРО в большей или меньшей степени могут быть причислены Ливия, Йемен, Бахрейн, Ливан и Афганистан). В некоторых случаях трудно сделать однозначный вывод, можно ли включить тот или иной социум в категорию глубоко разделенных или речь идет о более низком уровне разобщенности, который характерен для довольно значительного числа обществ. Критерии их отнесения к числу ГРО довольно размыты, кроме того, обострение внутренней ситуации в тех или иных странах под воздействием различных причин, в том числе экономических, часто «активизирует» фактор разобщенности, который способен повы-

---

¹ Melhem H. The barbarians within our gates // Politicomagazine. 18.09.2014. Available at: <http://www.politico.com/magazine/story/2014/09/the-barbarians-within-our-gates-111116.html#ixzz3LznnPwDt> (accessed: 20.01.2015).

сить градус конфликта, выведя его на уровень насильственного. В отдельных случаях следует уверенно говорить лишь об элементах разделенности, которые в определенные периоды порождают всплески конфликтности. В этом контексте в статье затрагивается пример Турции.

Можно выделить несколько основных параметров, которые позволяют отнести то или иное общество к категории ГРО. В литературе по ТГРО обычно делается акцент на так называемых двоичных, или бинарных, этноконфессиональных делениях, которые, как считается, и вызывают (но могут и не вызывать) наибольшую поляризацию. Однако еще в 2012 г. британский автор Андриан Гелке обратил внимание на два важных исключения из этого правила: Босния и Герцеговина и Ирак [Guelke, 2012: 13–14]. Применительно к Ираку отмечается троичное деление — на арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов. В то же время в рамках этого деления пересекаются конфессиональные и этнические идентификационные маркеры (не говоря уже о прочих, в первую очередь родоплеменных), поэтому, на наш взгляд, можно говорить скорее о двух линиях бинарного деления: арабы — курды и мусульмане-шииты — мусульмане-сунниты (с учетом того, что большинство курдов являются суннитами).

Однако эти противопоставления не отражают всего спектра делений, в том числе с участием этноконфессиональных меньшинств, а раскол между различными группами суннитов, например радикал-халифатистами и светскими националистами, не менее глубок, чем между суннитами и шиитами [см. подробнее: Кузнецов, 2013; Яковлев, 2013]. Другой пример — афганское общество, состоящее из нескольких сегментов (пуштунского, таджикского, узбекского, хазарейского и др.), среди которых доминирует пуштунский. Кроме того, в Афганистане разделенность усугубляется совпадением в ряде случаев этнической границы с конфессиональной (пример хазарейцев-шиитов). В этой ситуации можно говорить об удвоенной разделенности.

Еще одним важным типом дифференциации, которая может приводить к появлению ГРО, считается этническая. Иными словами, этнически фрагментированные общества часто становятся глубоко разделенными. Надо полагать, что и религиозные различия ничуть не реже приводят к значительной поляризации, только религиозно разделенных обществ меньше, чем этнически разделенных, а религиозная идентичность в большей их части не столь сильна, как этническая. А. Гелке называет и такие источники размежевания в обществах, как класс, каста, язык, раса, клан [Guelke, 2012: 14] (добавим к этому еще как минимум племя, род, общину, секту, ре-

гион) и ряд социальных дихотомий: автохтонное население и поселенцы, кочевники и оседлые, крестьяне и землевладельцы, горожане и сельские жители, центр и периферия [Guelke, 2012: 14] (а также межрегиональные противоречия).

Для возникновения серьезного конфликта с применением насилия недостаточно просто существования глубокого разделения в обществах, неременным условием для этого служит *высокий уровень антагонизма* между разобщенными частями. Как пишет в этой связи А. Гелке, «глубоко разделенные общества отличаются от других тем, что в них конфликт проходит по присущим им глубоко укорененным и повторяющимся линиям разлома, которые создают потенциал насилия между сегментами» [Guelke, 2012: 30]. Однако довольно часто эпизодические акты насилия возникают и в социумах, которые нельзя отнести к ГРО, притом что полностью социально гомогенных обществ не существует в принципе.

Авторы работ по ТГРО обычно предлагают два типа «лечения» межэтнической напряженности в глубоко разделенных обществах: *интеграционистский* и *консоциалистский* [см. подробнее: Horowitz, 1985; Lijphart, 1969; Sisk, 1996]². Интеграционисты (термин отчасти говорит сам за себя) выступают за «использование институтов или создание флюидной динамики плюрализма», причем термин «плюрализм», как и «федерализм», различные авторы описывают по-разному [Anderson, 2013: 371]. Однако плюрализм помогает «деинтенсифицировать» разделение. Создаваемые институты дают этническим лидерам и группам населения «стимулы в пользу умеренности против экстремизма». Американский политолог Лайам Андерсон удачно поясняет: «Интеграционисты выступают за конструирование федеральных систем для максимизации подгрупповой разнородности, чтобы лишить любую отдельную группу статуса большинства в подгруппе. В свою очередь это дает политическим лидерам сильные стимулы для формирования коалиций с другими группами, чтобы создать большинство, необходимое для того, чтобы управлять» [Anderson, 2013: 372].

---

² Арндт Лейпхарт и Герхард Лембрух (Gerhard Lehmbruch) независимо друг от друга впервые выдвинули концепцию консочиетализма в 1967 г. В русском переводе первой главы книги А. Лейпхарта [Лейпхарт, 1992: 217–225] термин *consociational democracy*, на наш взгляд, не совсем удачно переведен как *со-общественная демократия*. Гораздо удачнее перевод термина *plural societies* как *многосоставные общества*, хотя следует иметь в виду, что в работах названных и иных авторов принято различать *plural societies* (плюральные общества) и *diverse societies* (разнородные общества); не все разнородные общества, в которых существует несколько языков, религий и т.д., являются плюральными, термин многосоставность игнорирует это различие.

Приверженцы консоциализма скептически относятся к интеграционистским подходам. Еще почти полвека назад голландец Аренд Лейпхарт утверждал, что своего рода «полития добровольного апартеида» является «лучшим выходом для разделенного общества» [Lijphart, 1969: 219]. Объясняя этот подход, Л. Андерсон цитирует Л. Лейпхарта: «Существенная характеристика консоциальной демократии состоит не столько в специфическом институциональном устройстве, сколько в сознательных общих усилиях элит по стабилизации системы» [Anderson, 2013: 373] и справедливо замечает, что «для консоциалистов этнические различия отражают реальные и устойчивые различия в идентичностях, которые нельзя лишить существования с помощью инженерии» [Anderson, 2013: 373].

* * *

В целом линии разобщенности в рассматриваемых в данной статье государствах хорошо описаны. Они охватывают широкий спектр этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, патронажно-клиентельных, межрегиональных и иных делений, выплеснувшихся в конфликты с применением массового насилия. Можно представить эту структуру разобщенности в виде некоего графика, в котором на вертикальной оси находится ее численная характеристика делений (двоичные, троичные и т.п.), а на горизонтальной — их сущностные параметры (этнические, конфессиональные, родоплеменные и т.д.).

Различные *экссклюзивистские* притязания выступают в качестве катализатора конфликтности между сегментами. Например, этнонационализм «служит мощным основанием для притязаний меньшинств на сецессию и образование новых государств» [Guelke, 2012: 32]. В Ираке одним из факторов перерастания конфликта в острую фазу послужило ущемление прав суннитского меньшинства правительством шиитского большинства, которое в свою очередь подвергалось дискриминации в период правления Саддама Хусейна. Похожие мотивы в Ливии двигали племенами Киренаики, поднявшими мятеж против гегемонии Триполитании. Еще одним примером существования классической бинарной оппозиции (сунниты — шииты) является Бахрейн. Здесь, как когда-то в Ираке, шиитское большинство считало себя лишенным законных прав и выступило против узурпации власти суннитами во главе с правящей династией.

Однако в конфликте в Сирии, например, мы наблюдаем фактически противоположное притязание меньшинства (в данном случае алавитского) на сохранение контроля над властными ре-

сурсами при поддержании унитарного характера страны — в противоположность федералистским устремлениям курдского меньшинства. Однако изначально возникшее в 2011 г. протестное движение против сирийского правительства здесь было порождено *социальным* недовольством после пятилетней засухи, которая выбросила массу обедневшего сельского населения в города.

В Йемене можно наблюдать *многоуровневую разделенность*, в которой одни линии выстраиваются в иерархическом, непересекающемся порядке, другие пересекаются с ними и между собой или накладываются друг на друга. В этой стране конфликтогенным фактором всегда была историческая бинарность «север — юг», к которой в последние полтора десятилетия добавилась существовавшая и раньше, но «дремавшая», а теперь обострившаяся из-за манипуляций со стороны внешних сил дихотомия между исповедующей шиизм хуситской группой племен на севере государства и его остальной частью. Конфликтность продолжает подпитываться большим числом различных дихотомий по родоплеменным, квазикастовым, региональным и иным пересекающимся линиям, хотя властями предпринята смелая попытка погасить ее с помощью федеративного проекта.

Многоуровневый характер имеет и разделенность в Ливане, где выделяются три макросегмента: христиане, мусульмане-шииты, мусульмане-сунниты. Попыткой преодолеть эту разделенность был Национальный пакт 1943 г., установивший квотную систему демократического формирования властных институтов на основе консенсусной договоренности между сегментами/общинами. Но и это не избавило страну от кровопролитной гражданской войны 1975—1990 гг. (причем Таифское соглашение 1990 г. внесло коррективы в договоренность между общинами), а сейчас хрупкий межобщинный демографический баланс в Ливане резко нарушил огромный приток сирийских беженцев (на настоящий момент — до 1,5 млн человек), что грозит обернуться новой дестабилизацией ситуации. Это даже заставило ливанское правительство в конце 2014 г. ввести въездные визы для сирийцев. Еще до появления сирийских беженцев в течение нескольких десятилетий «нарушителями» баланса в Ливане уже были палестинские беженцы (около 0,5 млн человек), исповедующие ислам суннитского толка, и именно из-за этого ливанские власти отказывались предоставлять им гражданство (за незначительным исключением).

В Ливии Муаммар Каддафи через режим «ручного управления» добивался стабильности благодаря нефтяным доходам и с помощью особой созданной им системы «народной джамахирии» [Егорин, 1999], которая, тем не менее, дала сбой с началом прокатившегося

по Северной Африке «Арабского пробуждения» [Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? 2012], чем воспользовались западные державы для свержения строптивного и непредсказуемого, вызывавшего у них постоянное раздражение режима.

* * *

Вооруженное внешнее вмешательство во внутренние дела государств региона со стороны глобальных держав во главе с США, не теряющее своей интенсивности с начала XXI в., взорвало в них внутреннюю ситуацию. Подняв разобщенность на невиданно высокий уровень и спровоцировав во всех ближневосточных странах, где проводился эксперимент по осуществлению проекта «сменорежимной инженерии», взрыв межобщинного насилия, авторы этого проекта еще вызвали в качестве ответной реакции повстанческое движение, в том числе в форме исламского экстремизма. Обострение отношений между Западом и исламским миром приняло характер динамично развивающегося процесса, а выход из задуманных как легкая прогулка войн оказался непростым делом.

В Афганистане, как было подсчитано на основе выборочных интервью, после совершенного в сентябре 2001 г. вооруженного вторжения США и их партнеров по коалиции только за 9 месяцев погибли 10 тыс. гражданских лиц, в том числе 2997 — от неразорвавшихся снарядов и мин и 7773 — от сброшенных во время воздушных налетов бомб, а также выпущенных в ходе боев снарядов и пуль [Benini, Moulton, 2004]. Известный американский эксперт Этциони Кордесман сообщил, что проведенный в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне в 2007 г. анализ показал беспрецедентный пик крупных воздушных атак ВВС США и их союзников на Афганистан: от 368 в июле до 670 в августе, что даже больше, чем в ходе военной операции в Ираке³. В то время в среднем самолеты коалиции сбрасывали на наземные цели в Афганистане от 500 до 2000 фунтов бомбового груза (от 2270 до 900 кг) ежедневно 68 раз [Seymour, 2012: 82]. Британский исследователь Ричард Сеймур пишет: «Военные правила в США разрешают убийство гражданских лиц во время воздушных бомбардировок» [Seymour, 2012: 80], а по признанию бывшего советника Пентагона Марка Гарласко, если при планировании очередного воздушного удара по цели в Афганистане предполагалось, что число жертв среди гражданского населения составит 30 человек

---

³ Cordesman A. US Airpower in Iraq and Afghanistan: 2004–2007 // CSIS. 13.12.2007. Available at: http://csis.org/files/media/csis/pubs/071213_oif-oef_airpower.pdf (accessed: 16.01.2015).

и более, то на это нужно было получить разрешение Д. Рамсфелда или лично Дж. Буша, но если меньше — никакого согласования не требовалось⁴. Достаточно умножить на количество ударов, чтобы примерно оценить возможное число жертв. При такой интенсивности бомбардировок и столь массовых жертвах среди мирного населения было бы странно, если бы действия западных государств не вели к усилению раскола в обществе и росту поддержки выступающего против войск коалиции движения «Талибан».

Однако если операция в Афганистане была хотя бы санкционирована мировым сообществом, то вооруженное вторжение США и их союзников в Ирак и последовавшая за ним оккупация страны не имели никакого международного мандата, были осуществлены под надуманными предлогами и сопровождалась невиданным размахом вооруженного насилия со стороны всех участников конфликта, в том числе вооруженных формирований различных групп внутри иракского общества. В этой междоусобной борьбе принимали активное участие расплодившееся группировки суннитских исламских радикалов-террористов, с одной стороны, и шиитских милиций — с другой.

Развитию конфликта способствовали три крупные ошибки, допущенные американцами после свержения режима Саддама Хусейна: во-первых, введение запрета на деятельность партии «Баас», во-вторых, роспуск иракской армии и, наконец, в-третьих, ликвидация государственно-бюрократического аппарата. В Вашингтоне посчитали, что эти структуры неспособны к трансформации и, кроме того, сохранившись, в дальнейшем смогут осуществить реванш, восстановив прежнюю общественно-государственную систему. Однако, хотя эти институты при всей жестокости диктатуры Саддама Хусейна действительно принесли горе огромному числу как своих граждан, так и жителей соседних государств — Ирана и Кувейта, с их упразднением были ликвидированы основные эффективно действовавшие государственные органы, являвшиеся опорой светского националистического режима. В результате в Ираке образовался вакуум власти (не говоря уже о взрывоопасной массе обиженных высококвалифицированных специалистов), который новым правителям так и не удалось заполнить.

Не менее драматичные последствия имела ориентация администрации Дж. Буша-мл. на использование конфессионального фактора. Конечно, шииты были дискриминируемым меньшинством,

---

⁴ Benjamin M. When is an accidental civilian death not an accident? // Salon.com. 30.07.2007. Available at: http://www.salon.com/2007/07/30/collateral_damage/ (accessed: 16.01.2015).

которое остро нуждалось в справедливой реабилитации, но она была проведена не путем продвижения своего рода национального консенсуса, а с помощью опоры на религиозные шиитские организации — Партию призыва («Ад-Даава») и Высший совет исламской революции. «Шиитский проект» Вашингтона был, по сути, проектом религиозным, который, превратив теперь уже суннитов в дискриминируемую часть населения, не мог не вызвать резкого всплеска вражды между различными сектами в исламе, не говоря уже о неизбежной в такой ситуации враждебности суннитских радикалов к христианскому меньшинству (ничуть не менее справедливая реабилитация курдов привела к созданию в стране курдской квазигосударственности). В результате фрагментации общества перспективы создания в Ираке полноценного варианта нации-государства стали выглядеть весьма иллюзорными.

Выпустив из бутылки «сектантского джинна», те, кто взялись с помощью военной силы принести в Ирак демократию и эффективное управление, обрекли страну на междоусобицу. Кроме того, вирус внутриисламской вражды распространился по всему региону. Инженеры «сменорежимного» проекта легко разрушили прежнюю иракскую государственность, но не сумели заменить ее новой. Как писал американский эксперт по региону Грегори Гоз, «Соединенные Штаты продемонстрировали в Ираке, что они гораздо успешнее могут разрушать государство, чем строить» [Gause, 2014: 24]. Он справедливо заметил: «Порядок лучше хаоса, поэтому следует поддерживать государства, которые обеспечивают эффективное управление, даже если оно не достигает тех уровней демократии, которые мы бы предпочли» [Gause, 2014: 25].

Следует напомнить, что иракская армия при Саддаме Хусейне была одной из самых боеспособных в регионе. Однако во время вторжения вооруженного контингента США ее командование предпочло фактически не оказывать губительного для армии и в целом для страны сопротивления превосходящим силам противника, избавив столицу Ирака от разрушения. Известно, что тогда среди военных и гражданских чиновников была огромная масса людей, которые состояли в «тихой оппозиции» диктатору и винули его в тех бедах, которые обрушились на Ирак, а армия устала от двух кровопролитных войн, развязанных Хусейном против Ирана и Кувейта.

Тем не менее сдержанность армии не избавила страну от кровопролитной междоусобицы. Как подсчитала на основе «кластерных» опросов группа исследователей из Университета Джона Хопкинса (Вашингтон), только в период с марта 2003 г. по июнь 2006 г. в Ираке насильственной смертью погибли 601 027 человек. При

этом жертвами бомбардировок стали 13%, или 78 тыс., [Seymour, 2012: 81], среди которых 46% — женщины и 39% — дети [Seymour, 2012: 81]. Достоверность кластерного способа подсчета вызывает некоторые сомнения, однако и внесение поправок в эти цифры в сторону некоторого снижения (оно, с учетом других данных, не может быть значительным) не делает их менее ужасающими.

Само иностранное вторжение и разгул межконфессионального и внутриконфессионального насилия привели к гибели или бегству из страны под страхом терактов со стороны радикал-исламистов значительной части христианского населения Ирака. По оценочным данным, его численность уменьшилась с примерно 1 млн 400 тыс. человек до менее 400 тыс.

Немало западных экспертов квалифицировали происходящее в Ираке и Афганистане как «повстанческий ответ» на вооруженное вторжение США и их союзников, уподобляя такое сопротивление антиколониальной борьбе прошлого. Р. Сеймур написал о повстанцах: «Хотя их действия классифицируются как террористические, природа мятежного насилия ставит это определение под вопрос» [Seymour, 2012: 81]. Командующий британским контингентом генерал Ричард Даннатт, выступая в Международном институте стратегических исследований (Лондон), говорил: «По мотивации <...> наши оппоненты являются иракскими националистами, которых прежде всего заботят их собственные нужды — работа, заработки, безопасность, и большинство из них вовсе не плохие люди»⁵. Правда, высказывались и другие точки зрения. Бывший британский премьер Тони Блэр считал, что мятеж в Ираке был не реакцией на вторжение и оккупацию, а «частью всемирного заговора против цивилизованного мира» [Seymour, 2012: 89]. Основанием для подобных утверждений стало быстрое укрепление позиций «Аль-Каиды» в Ираке, боевики которой совершали все больше актов массового террора.

На время снизить накал острого меж- и внутриконфессионального противоборства помогло сотрудничество оккупационного командования с верхушкой суннитских племен, которые лишили «Аль-Каиду» базы поддержки в районах преобладания суннитского населения. Уровень насилия резко снизился, но ненадолго. Правительство Н. аль-Малики не сумело восстановить в стране баланс между общинами, сунниты, особенно в провинциях «суннитского

---

⁵ Dannatt R. Address to the International Institute for Strategic Studies on 21 September 2007. Available at: <http://web.archive.org/web/20071009194854/http://www.mod.uk/DefenceInternet/AboutDefence/People/Speeches/ChiefStaff/20070921AddressToTheInternationalInstituteForStrategicStudies.htm> (accessed: 14.02.2015).

треугольника»⁶, все больше чувствовали себя дискриминируемым меньшинством, обвиняя иракские власти в якобы имевшей место передаче контроля над управлением страной Ирану.

* * *

Что касается Иракского Курдистана (северная часть страны), то предоставление ему согласно Конституции 2005 г. широкой автономии с сохранением позиций вооруженных отрядов «пешмерга» и выделением 17%-ной квоты в нефтегазовых доходах⁷ позволило курдам начать шаг за шагом строить в трех северных провинциях Ирака квазигосударство со своей экономикой, системой управления и обеспечения безопасности. Казалось бы, им следовало полностью удовлетвориться получением столь огромного объема прав и не стремиться к новым (тем более с учетом занятия курдами многих высших руководящих должностей в центральном правительстве). Однако курды продолжали требовать большего, в частности увеличения доли в доходах и предоставления права самостоятельно заключать нефтяные контракты, что они, впрочем, и так делали, нарушая договоренности. Кроме того, курды претендовали на город Киркук, который считали своей исторической столицей. Багдаду пришлось уже после прихода к власти нового правительства во главе с Х. аль-Аббади в 2014 г. пойти на дополнительные уступки. Однако, забегаая вперед, приведем характерное совсем недавнее высказывание лидера Иракского Курдистана Масуда Барзани, который за последние годы установил тесные отношения с Анкарой. Наряду с похвалой в адрес турецких властей (Турция помогла автономии в войне против «Исламского государства») он сделал и заявление, которое вряд ли могло понравиться как туркам, так и федеральному правительству Ирака: «Независимость Курдистана — продолжающийся процесс, она — наше право, и решать это будет народ Курдистана»⁸.

Проблема Киркука — классический пример этнической разделенности на местном уровне. Город и провинция, богатые нефте-

---

⁶ «Суннитский треугольник» — условный район с преобладанием суннитского населения к северу и западу от Багдада, приблизительными вершинами «суннитского треугольника» являются города Багдад, Тикрит и Ар-Рамади.

⁷ Согласно ст. 108 нефть и газ являются собственностью всего иракского народа во всех провинциях страны. Управление нефтегазовыми ресурсами должно осуществлять федеральное правительство в сотрудничестве с властями добывающих нефть и газ провинций страны, а доходы справедливо распределяются во всей стране на демографической основе.

⁸ «Аль-Барзани йу'аккид анна-истикляль Курдистан “мас'алятун мустамирра ва-хаккун ляна” ва-йакшиф анна Туркия са'адат аль-башмарга ва-каддамаат ляха заха'ир» // An-Nahar. Бейрут, 24.12.2014 г. С. 1.

газовыми ресурсами, с давних пор были яблоком раздора между живущими там арабами, курдами и туркоманами. На этой территории также проживало небольшое число христиан — ассирийцев (православных) и халдеев (католиков). Принято считать, что именно из-за стремления обеспечить стратегический контроль арабов над энергоресурсами этой части страны Саддам Хусейн нарушил Декларацию о курдской автономии, подписанную им с курдским лидером Мустафой Барзани 11 марта 1970 г., и возобновил военные действия, так как опасался, что Киркук отойдет под контроль курдов (зафиксированная в Декларации договоренность предусматривала проведение переписи, на основе которой должны были быть определены границы автономии). Вслед за этим началась активная арабизация города и провинции. После свержения режима уже в Закон об управлении в переходный период от 2004 г. (ст. 58) по настоянию курдов было включено положение о «нормализации» в Киркуке, обеспечивавшее возвращение курдского, христианского и туркоманского населения. Статья 140 постоянной Конституции Ирака (2005) помимо нормализации и проведения переписи населения говорила еще и о референдуме (всего этого так и не было сделано). На основании подсчетов по результатам выборов в декабре 2005 г. Л. Андерсон пришел к выводу, что в то время в Киркуке жили около 53% курдов, 27% арабов и 13% туркоманов [Anderson, 2013: 368] (там еще оставались не сумевшие или не пожелавшие уехать христиане). Исследователь считает, что эта ситуация представляет собой почти классический вариант «проблемы 60–40», где большинство, составляющее примерно 3/5 населения, не имеет сильного стимула к «разделу власти» (power sharing) между ним и меньшинствами [Anderson, 2013: 368]. Сегодня нет ни одного курдского лидера, включая Масуда Барзани, который бы не считал, что Киркук является исторической столицей Иракского Курдистана, своего рода курдским Иерусалимом. Об этом Масуд Барзани говорил и во время беседы в Институте востоковедения 21 февраля 2013 г. в ходе своего визита в Россию.

До сих пор курды придерживались стратегии выторговывания для себя максимальных полномочий и привилегий в рамках автономии в границах единого иракского государства, но ситуация может измениться. С одной стороны, война, развернутая боевиками «Исламского государства» на севере Ирака, побуждает курдов к сближению с федеральным правительством для оказания совместного отпора радикал-исламистам (и, следовательно, вроде бы увеличивает шансы на такое решение проблемы Киркука, которое не угрожает интересам центральных властей, арабов и туркоман). С другой стороны, фактор ИГ может также привести либо к полу-

чению курдами дополнительных привилегий и полномочий (что уже и происходит), так как без их участия федеральному центру не одолеть экстремистов, либо к полному отделению Иракского Курдистана. В последнем случае курды не удовлетворятся границами его нынешних трех провинций, но, безусловно, потребуют включения в территорию нового планируемого государства также спорных районов, в том числе Киркука. Нельзя исключать, что центральному правительству в определенной ситуации придется пойти на это, но при условии гарантированного участия всех этнорелигиозных групп в формировании органов управления и распределения властных полномочий между курдами, арабами, туркоманами и христианами.

То, как будет решен курдский вопрос в Ираке, безусловно, окажет влияние на положение курдов в трех других странах их расселения — Турции, Сирии и Иране. В Сирии за четыре года насильственного внутреннего конфликта укрепилось стремление курдов к самоопределению в рамках сирийской государственности, в курдских районах были образованы не признаваемые центральными властями органы местного самоуправления, стало общеупотребительным старое курдское название этого региона — Роджава, был введен в оборот даже термин «Республика Роджава». Не выступая за отделение от Сирии, курдские лидеры стали говорить о необходимости отхода от ее позиционирования как арабского государства, что является одним из краеугольных положений идеологии арабского национализма правящей в стране партии «Баас». Согласно требованиям части курдских лидеров Сирия — многонациональное государство, где все этнические и конфессиональные группы должны иметь равные права, а называться государство должно не «Сирийская Арабская Республика», а «Сирийская Республика». В этом дискурсе ярко проявляется роль так называемой символической политики [см. подробнее: Наумкин, 2009: 9–27].

В Турции проживает самая большая на Ближнем и Среднем Востоке курдская община — от 12 до 15 млн человек, причем около половины курдов рассеяны за пределами традиционной области их обитания в юго-восточной Анатолии [Bilgin, 2013: VII]. В турецком социуме пересекаются несколько линий разобщенности — как этнического, так и конфессионального характера, но только курдская проблема породила всплески насилия, уже унесшего жизни многих граждан. Если Курдская рабочая партия (КРП), причисляемая турецкими властями к террористическим организациям наряду с некоторыми другими группами курдских националистов, в течение длительного времени действительно прибегала

к вооруженным методам борьбы, то ряд группировок провозгласили приверженность мирной стратегии. Примечательно, что вооруженные действия велись и между различными курдскими отрядами. Так, только за 1991–1996 гг. жертвами кровопролитных столкновений между боевиками КРП и курдской партии «Хизбалла», в идеологии которой этнонационалистические лозунги сочетаются с исламистскими, стали более тысячи человек [Gürbüz, 2013: 168]. По словам американского исследователя Мустафы Гюрбюза, сейчас «Хизбалла» «разрывается между ее насильственным прошлым и ненасильственной стратегией на будущее» [Gürbüz, 2013: 174].

Интересными в этой связи (в том числе в ракурсе символической политики) представляются и характерные для «Хизбаллы» попытки «реконструкции идентичности» такого известного турецкого исламского проповедника, богослова и писателя, как Саид Нурси (1878–1960), и «реинтерпретация его трудов», о чем пишет, в частности, М. Гюрбюз. Активисты «Хизбаллы» подчеркивают, что С. Нурси «предлагал гражданский подход к курдской проблеме, в первую очередь основанный на образовании и примирении этнических групп вокруг исламских ценностей» [Gürbüz, 2013: 174]. Они также делают акцент на антисекуляристской направленности нурсизма, а также на его курдской идентичности, чего избегают другие последователи проповедника, в частности движение «Хизмет», созданное живущим ныне в США и вошедшим в острый конфликт с правящим в Турции режимом умеренным исламистским идеологом Фетхуллой Гюленом (род. в 1941 г.). М. Гюрбюз замечает, что «реконструкция Нурси» идеологами «Хизбаллы» одновременно с мобилизацией преследует цель «делегитимизировать соперничающие с ней исламские движения в регионе, особенно движение Гюлена», приверженцы которого позиционируют С. Нурси как сейида, потомка пророка Мухаммада. Один из активистов «Мустазаф-Дер» — «Ассоциации обездоленных», по аналогии с известным иранским «Фондом обездоленных» (созданная «Хизбаллой» общественная организация, запрещенная властями Турции в 2012 г.), по имени Хасан пишет: «Сам *Устад* [«Учитель» — так называют С. Нурси. — Прим. В.Н.] говорил, что он может считаться сейидом лишь в духовном смысле благодаря своей преданности Корану; однако на самом деле он не был сейидом. <...> Но сейчас они постоянно называют его сейидом. Почему? “Он не курд” — вот что они имеют в виду...» [Gürbüz, 2013: 174].

Таким образом, соперничество между различными версиями исламизма, раскалывающее сегодня весь регион Ближнего и Среднего Востока, в Турции переплетается с межэтническими противо-

речиями. Одним из главных акторов в этом соперничестве является сама правящая политическая сила — Партия справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом.

* * *

Бурный подъем религиозного фанатизма под флагом джихада в годы оккупации Ирака, в том числе исключительно высокую активность «Аль-Каиды», американцам удалось на время остановить во второй половине 2000-х годов после того, как генерал Дэвид Петреус стал проводить политику привлечения суннитских племен в рамках процесса «Сахва» («Пробуждение»). Однако многие джихадисты лишь перебазируются на север, где создали себе базу поддержки. После начала столкновений в Сирии многие радикалы вошли в состав исламистских террористических группировок, которые повели борьбу против правительства Башара Асада. В частности, речь идет о подчиняющейся «Аль-Каиде» группе «Джабхат ан-Нусра», а также о самой радикальной из исламистских группировок в регионе — «Исламском государстве Ирака и Леванта» (затем ИГИЛ, затем «Исламское государство»). Как известно, «Джабхат ан-Нусра» и особенно ИГИЛ сумели овладеть значительной частью территории на севере и северо-востоке Сирии — в провинциях Ракка и Дейр аз-Зор (в задачи этой статьи не входит углубление в достаточно хорошо изученную в специальной литературе предысторию ИГИЛ, в том числе того периода, когда этой группировкой управляла «Аль-Каида»). Уже само новое название ИГИЛ говорило о сути ее исламистского проекта: это создание исламского государства — халифата — на территории, включающей Ирак, Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину.

ИГИЛ хорошо подготовилось к захвату земель на севере Ирака, успешно спекулируя на недовольстве суннитов правительством Нури аль-Малики, — точно так же, как это было в ситуации в Сирии. Фактически можно было предугадать захват боевиками ИГИЛ Мосула, которым 10 июня 2014 г. увенчалось их наступление на этот город, а также овладение ими частью иракской провинции Найнава и некоторыми другими районами, что позволило им провозгласить создание трансграничного (Ирак и Сирия) «Исламского государства». Огромную роль в военных успехах радикал-исламистов играли боевики, прибывшие на суннитский джихад в Сирию и Ирак из-за рубежа, — выходцы из многих государств региона, а также Европы, Америки и Евразии. Американские эксперты Д. Байман и Дж. Шапиро делают обоснованное обобщение: все граждане стран Запада, которые отправляются воевать в далекие от них зоны, совершают одну и ту же эволюцию — от идеалистов-

добровольцев к боевикам-«сезонникам» [Vuman, Shapiro, 2014]. В Сирии, по их мнению, на начальном этапе европейские и американские мусульмане руководствовались не идеей глобального джихада, а желанием «защитить» местное население от режима Б. Асада.

Среди боевиков, прибывших воевать в Сирию, действительно было немало романтиков и просто искателей приключений. Конечно, попадались и те, кто рассчитывал заработать, но были и такие, кто продавал свое имущество для помощи джихаду. В 2013 г. ситуация стала меняться по мере того, как война принимала характер межконфессиональной — между суннитами и шиитами [Vuman, Shapiro, 2014]. Немалую роль в мобилизации суннитских боевиков на войну как в Сирии, так и в Ираке играли призывы суннитских религиозных авторитетов и действия ряда правительств, организовывавших и финансировавших участие зарубежных мусульман из стран исламского мира и Запада в сирийском и иракском джихаде. Показательно, что халиф «Исламского государства» Ибрагим аль-Багдади назначил амиром (правителем) Ракки гражданина Таджикистана⁹. Эффективным инструментом мобилизации были социальные сети и Интернет. Особенно действенным стал интернет-маркетинг ИГ.

В Сирию основная масса европейских и американских боевиков попадали через Турцию, куда они могли въезжать без виз. По сведениям, полученным от бывших боевиков, путь из европейской столицы до места назначения авиарейсом через Стамбул и далее автобусом до турецко-сирийской границы занимал не более одного дня. Показательно, что именно таким маршрутом удалось вопреки всем заслонам выбраться из Франции 8 января 2015 г. Хаят Бумедьен — объявленной в розыск жене боевика, напавшего на магазин кошерной еды.

По заключению норвежского эксперта по радикализму Томаса Хегхаммера и британца Петера Ньюмана, на сирийскую войну было мобилизовано больше европейских исламистов, чем на все другие войны за 20 лет [Vuman, Shapiro, 2014]. Американцев было меньше, но все же, по данным разведки США, с 2011 г. на сирийский джихад отправились не менее сотни человек [Vuman, Shapiro, 2014]. К сожалению, в Сирии воюет и немало россиян: по сведениям, приведенным директором Федеральной службы безопасности РФ, — около 1700 человек¹⁰.

---

⁹ Организация ИГИЛ назначила гражданина Таджикистана эмиром сирийской провинции Ракка // ЦентрАзия. 26.08.2014 г. Доступ: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1409048940> (дата обращения: 15.02.2015).

¹⁰ Глава ФСБ: до 1,7 тыс. российских граждан могут воевать в Ираке // РИА Новости. 20.02.2015 г. Доступ: <http://ria.ru/world/20150220/1048707159.html> (дата обращения: 18.02.2015).

Таким образом, разделенность обществ, углубившаяся в Ираке и Сирии в результате прежде всего внешнего вмешательства со стороны глобальных и региональных игроков, но отчасти и вследствие ошибок, допущенных местными правительствами, стала фактором, способствовавшим расширению рядов террористических группировок.

Наверное, есть основания возлагать на государства Запада часть ответственности за усиление позиций международных террористических сетей вследствие того, что в этих странах были созданы безопасные убежища и очаги индоктринации для джихадистов, в том числе выходцев с Северного Кавказа. Их жертвами уже становились мирные жители на территории США (например, во время теракта на Бостонском марафоне 15 апреля 2013 г.), а среди иностранных террористов, ведущих в Сирии, немалую, причем наиболее боеспособную и жестокую часть составляют чеченские джихадисты, прибывшие туда не из России (где, заметим, после двух чеченских войн удалось путем примирения достичь впечатляющей стабилизации ситуации в Чечне, что незаслуженно игнорируется Западом), а из Грузии, Турции и европейских государств, в свое время предоставивших им убежище как «борцам за свободу».

Как отмечает Гвидо Штайнберг из германского Фонда науки и политики, чеченские боевики-джихадисты в Сирии «представляют проблему внутренней безопасности для Европы и Турции», поскольку многие из них происходят из диаспоры — Грузии, Турции, «дюжины из Австрии, Франции, меньше из Бельгии, Скандинавии и Германии» [Steinberg, 2014]. Известно при этом, что в составе ИГ может быть от 1 до 2 тыс. чеченских боевиков¹¹.

Сначала политики и эксперты, «прославившие» резкое усиление этой группировки, считали, что в ее составе действуют от 7 до 10 тыс. боевиков, затем заговорили о 40–50 тыс. джихадистов, прошедших закалку в боях в Ираке и Сирии и превосходящих своих противников хотя бы уже тем, что они готовы умереть за свое дело. Террористы получают щедрую финансовую поддержку от теневых структур, базирующихся преимущественно в странах Аравийского полуострова. Установив контроль над частью провинций Ракка и Дейр аз-Зор в Сирии, они подвергли жестоким массовым казням всех тех, кто не разделяет их доктрину (в первую очередь этноконфессиональные меньшинства), и ввели на захваченной территории режим строжайшего соблюдения законов шариата в их наиболее косной интерпретации. Из региона хлынули потоки беженцев.

---

¹¹ Saunders P.J. Chechen extremists threaten Jordan // Al-Monitor.com. 13.05.2013. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/06/jordan-abdullah-ii-chechnya-extremist-jihadists-threatening.html> (accessed: 17.02.2015).

Нельзя, однако, забывать, что вместе с отрядами ИГ в Мосул вторглись и примкнувшие к ним — в силу совпадения тактических задач — представители иных группировок, в том числе подвергшиеся чистке офицеры и чиновники прежнего режима и даже последователи суфийской секты «накшбандийя» — вроде бы идеологические противники джихадистов. Быстро образовался прообраз трансграничного исламистского государства — пока на территории части Ирака и части Сирии, ведь захваченные боевиками области граничат друг с другом, образуя единое целое. В районе Ракки начали курсировать военные «Хаммеры», захваченные террористами в Мосуле и переправленные в Сирию. Туда же боевики стали перебрасывать в дополнение к тому, что было захвачено в Сирии, и оружие, оставленное иракской армией в ходе новых проигранных сражений, включая танки, гаубицы, БМП и массу стрелкового оружия. Выступая в эфире CNN 24 мая 2015 г., министр обороны США Эштон Картер выразил недовольство действиями вооруженных сил Ирака, которые оставили Рамади боевикам ИГ, так как «просто не хотели сражаться»¹². В свою очередь Багдад обвинил США в том, что они плохо готовили и мало вооружали иракскую армию¹³.

Боевики ИГ не только пытаются и расстреливают всех не согласных с ними граждан, хотя эти зверства ими действительно совершаются. Очевидцы свидетельствуют, что «Исламскому государству» удалось обеспечить на контролируемой территории порядок — естественно, в рамках границ, очерченных жестокой идеологической парадигмой. Было создано немалое количество рабочих мест, труд неплохо оплачивается, снизилась активность криминалитета, обрабатывается земля, функционирует торговля. Часть населения, во всяком случае суннитская, уже стала привыкать жить по новым правилам.

Джихадисты ИГ развернули прибыльную торговлю нефтью (не только для них, но и для их партнеров в соседних государствах), контроль над добычей которой они установили в сирийской провинции Дейр аз-Зор. Естественно, контрабандная нефть продается по ценам, значительно ниже рыночных. Остановить эту торговлю трудно (достаточно вспомнить по аналогии продажу нефти Багдадом при Саддаме Хусейне соседним государствам по демпинговым ценам вопреки введенным против режима санкциям). Правда, ракетно-бомбовые удары авиации сил коалиции по нефтяным объек-

---

¹² Власти Ирака недовольны тем, как инструкторы США обучают иракских солдат // Информационное агентство России ТАСС. 26.05.2015 г. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1994262> (дата обращения: 26.05.2015).

¹³ Там же.

там, находящимся под контролем ИГ, в том числе нефтеперерабатывающим заводам и нефтехранилищам, значительно уменьшили объем производства и, следовательно, доходов от контрабанды нефти. По данным Атлантического совета, к декабрю 2014 г. ежедневный объем добычи нефти сократился с прежних 70 до 20 тыс. баррелей, а ежедневные доходы от нефти упали с 2–3 млн до 600 тыс. долл.¹⁴

Важным источником финансирования стала контрабандная торговля антиквариатом и художественными ценностями, захваченными боевиками. При этом джихадисты «Исламского государства» варварски разрушили большое число бесценных памятников древних цивилизаций, теперь безвозвратно утраченных для человечества. Одержимость исламских радикалов идеей стереть с лица земли все следы цивилизаций, которые относятся к эпохе доисламского «невежества» (джахилийя), замешанная на поразившем исламистов вирусе безграничного насилия, лишает человечество важной части мирового культурного наследия.

О характере «государственного» проекта группировки ИГ красноречиво говорит еще один факт. Во время карательной операции Израиля в Газе летом 2014 г. египетский салафитский шейх Талаат Захран 22 июля заявил о неприемлемости поддержки жителей Газы, поскольку они не следуют «законному командованию» и могут быть уподоблены шиитам, так как выполняют их указания (Ирана и «Хизбаллы»). Объяснение этой позиции лежит в самой теологической доктрине салафитов: джихадом должен командовать амир, который соответствует всем необходимым критериям, он также должен провозгласить джихад. ХАМАС этого не сделал. Некоторые члены ИГ даже жгли палестинские флаги. Само существование национальных государств в исламском мире и тем более борьба за их создание, как в случае с палестинцами, противоречат философии исламских радикалов, стремящихся к образованию исламского халифата. В этой коллизии отразилось переплетение линий религиозной разделенности, породивших борьбу конфликтующих идентичностей и проектов.

Оценивая потенциал ИГ, министр обороны США Чак Хэйгел сказал, что он «превосходит все то, что мы видели»¹⁵. В то же время Дэвид Голдмэн из «Ближневосточного форума» считает, что ИГ

---

¹⁴ Alami M. ISIS's governance crisis (part I): economic governance. MENASource (blog), Atlantic Council, 19.12.2014. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/isis-s-governance-crisis-part-i-economic-governance> (accessed: 10.04.2015).

¹⁵ Hagel Ch. U.S. pursuing long-term strategy against ISIS // Reuters.com. Available at: <http://www.reuters.com/video/2014/08/21/us-pursuing-long-term-strategy-against-i?videoId=340736177> (accessed: 18.02.2015).

«переоценивают»¹⁶. Слабым местом боевиков является отсутствие у них каких бы то ни было летательных аппаратов, а без этого на территории, на которой практически негде спрятаться, войну с противником, обладающим полным господством в воздухе, не выиграть, даже ощутимого ущерба не нанести. Д. Голдмэн напоминает, что боевики ИГ «располагаются на местности, где воздушная разведка может обнаружить любую бездомную кошку. Саудовские и иорданские ВВС вполне способны защитить свои границы. Саудовская Аравия имеет более 300 “Ф-15”, 75 “Тайфунов” и более 80 вертолетов-штурмовиков “Апачи”. Иордания имеет 60 “Ф-16” и 25 вертолетов-штурмовиков “Кобра»¹⁷.

Однако в ноябре 2014 г. из Эрбиля поступила информация о том, что боевики «Исламского государства» начали охотиться за самолетами, вертолетами и беспилотниками и пытаются захватить аэродромы в Ираке и Сирии. Кроме того, они объявили набор летчиков, инженеров и техников из числа перешедших на их сторону арабов-суннитов (бывших военнослужащих ВВС Ирака) и даже ведут поиски соответствующих специалистов в Европе.

Сильными сторонами ИГ являются не только присутствие в его рядах опытных командиров из армии Ирака времен Саддама Хусейна, но и симпатии части «арабской улицы», особенно в тех государствах Залива, где прочные позиции имеет салафитская идеология¹⁸. Пока не было слышно жесткого осуждения действий террористов ИГ (к тому же сжигающих палестинские флаги) от самых авторитетных центров суннитской части исламского мира, за исключением «Аль-Азхара». Не было на улицах и площадях арабских столиц и столь массовых демонстраций под лозунгами осуждения ИГ, как это происходило во время событий «Арабского пробуждения».

* * *

Победы «Исламского государства» воодушевили все международное экстремистское подполье, что увеличило угрозу распространения терроризма за пределы региона. Не остается сомнений в том, что в числе следующих целей тех, кто пришел воевать под

---

¹⁶ Goldman D.P. Sherman's 300,000 and the Caliphate's three million // Middle East Forum. Available at: <http://www.meforum.org/4776/sherman-300000-and-the-caliphate-three-million> (accessed: 17.02.2015).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Наумкин В.В. Сочинская партия Путина и ас-Сиси // Al-Monitor.com. Доступ: <http://www.al-monitor.com/pulse/ru/originals/2014/08/russia-egypt-putin-sisi-visit-ukraine-palestine.html#> (дата обращения: 20.02.2015).

знаменами ИГ издалека, будут и режимы их собственных государств. Это теперь осознали и те, кого Россия давно предупреждала о международном масштабе опасности «раковой опухоли» терроризма, растущей на теле ближневосточных сообществ.

Одной из ключевых причин успехов джихадистов в Ираке является фактический распад государства, вызванный иноземным вторжением, которое не только не достигло целей, официально заявленных США, но и привело к резкому возрастанию угрозы распространения исламского радикализма за пределы Ближнего Востока. При этом в России все еще находятся эксперты, над которыми довлеет миф о всемогуществе и изощренности внешнеполитической стратегии Вашингтона, умеющего будто бы манипулировать даже принятием решений в Москве. Например, аналитик Семен Багдасаров пишет о «базе США» в Ульяновске, что это «большой блеф, который организовали американцы, опираясь на непрофессионализм нашего внешнеполитического чиновничества»¹⁹. Непонятно, какое чиновничество имеет в виду автор: высокий профессионализм российских дипломатов-ближневосточников признают и за рубежом, а решения по таким важнейшим внешнеполитическим вопросам, как этот, вообще принимает человек, которого никак нельзя отнести к «внешнеполитическому чиновничеству».

Вряд ли конструктивно предложение этого эксперта решить мучительную для России проблему возможного возвращения домой боевиков — выходцев из России и других стран СНГ, воюющих в Сирии, Ираке, Афганистане, в том числе в составе ИГ, путем введения «жесточайшего» (видимо, с использованием пыток) визового режима «со странами Центральной Азии и Турции как перевалочной базы террористов». Естественно, такое решение затронет интересы многих миллионов российских граждан, привыкших без забот, когда вздумается, выезжать на отдых на турецкие пляжи. При этом российские джихадисты в тренировках в жестокости не нуждаются: боевиков ИГ учили медленному и мучительному публичному отрезанию голов противников сами их единомышленники с Северного Кавказа. Британский журналист Роберт Фиск вспоминал, как когда-то ему показали видеоролик из Фаллуджи, на котором люди в балаклавах перерезают горло человеку. Лишь позднее журналист понял, что жертвой был наверняка русский солдат, а убийцами — чеченцы, видео же было привезено в Фаллуджу для

---

¹⁹ Багдасаров С. Грабли для Америки // Аргументы недели. 21.08.2014. С. 3.

того, чтобы «будущие мясники сопротивления могли этому поучиться»²⁰.

16 августа 2014 г. убийство Расула Гамзатова — заместителя муфтия Северной Осетии Хаджи-Мурата Гацалова — явно совершили доморожденные джихадисты. Сам Гацалов, во всяком случае вплоть до конца 2014 г., был единственным российским муфтием, который имел смелость издать фетву, запрещающую российским мусульманам отправляться на джихад в Сирию.

Турция долго не проявляла тревоги в связи с угрозой со стороны ИГ. Вероятно, предоставленная турецкими властями возможность транзита через территорию своей страны джихадистам, направляющимся воевать в Сирию, рассматривалась как своего рода индульгенция, с помощью которой можно было прикрыться от ИГ, не испытывающего никаких симпатий к Анкаре. Правительство Турции даже отказывалось включать «Исламское государство» в список террористических организаций. Однако захват в заложники после взятия Мосула турецкого консула вместе с его семьей и охраной сильно ударил по самолюбию турецких властей. К тому же убийцы из ИГ уничтожают не только шиитов и иноверцев, но и не идущих за ними суннитов. Как пишет Али Мамури, в сирийском Дейр аз-Зоре они всего за две недели уничтожили 700 гражданских лиц только из одного суннитского племени²¹.

Некоторые режимы, прежде отказывавшиеся замечать масштаб этой угрозы, теперь даже согласились примкнуть к коалиции, ведущей борьбу с «Исламским государством». Однако в этих же государствах стали слышаться и голоса сомнения по поводу искренности намерений своих правительств. Саудовский интеллектуал Турки аль-Хамад вопрошает, как саудовские религиозные лидеры могут противостоять экстремистской идеологии «Исламского государства», если они распространяют похожую идеологию у себя дома и за рубежом²². Ему вторит бывший иранский представитель на переговорах по ядерной программе, а ныне исследователь в Принстоне посол С.Х. Мусавиан: «Ирония в том, что арабские союзники США, которые в настоящее время участвуют в коалиции против ИГ, на протяжении десятилетий инвестировали десятки

---

²⁰ Fisk R. Obama will turn the result of his air strikes into their cause // The Independent. 21.08.2014. P. 4.

²¹ Mamouri A. No end in sight for Islamic State's attack on Iraq // Al-Monitor.com. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/08/iraq-sunnis-targeted-by-islamic-state.html> (accessed: 20.02.2015).

²² Dorsey J. War against Islamic State: Sowing seeds of more extremist groups // The Huffington Post. 30.09.2015. Available at: http://www.huffingtonpost.com/james-dorsey/war-against-islamic-state_b_5907794.html (accessed: 20.02.2015).

миллиардов долларов в распространение этой экстремистской идеологии по мусульманскому миру и, к сожалению, продолжают делать это и сейчас»²³. С.Х. Мусавиан, как и многие другие эксперты, считает, что США и их арабские союзники не располагают достаточными сухопутными силами, чтобы выиграть войну.

Слабой стороной борьбы коалиции во главе с Вашингтоном против ИГ является то, что она лишена региональной инклюзивности. Исключение Ирана, Сирии и некоторых других — неправительственных — акторов бессмысленно еще и потому, что они все равно реально участвуют в этой войне в Сирии (как, например, отряды «Хизбаллы» или шиитская «Бригада Абу-ль-Фадля Аббаса» из Ирака). Более того, они сами являются главными мишенями для террористов. Парадоксально, что организаторы коалиции при этом еще и поставили перед отрядами сирийской оппозиции задачу вести боевые действия одновременно против ИГ и правительственных сил.

Еще хуже то, что в результате наступления на позиции сирийских правительственных войск боевикам «Исламского государства» удалось захватить немало оружия в дополнение к тому, что было вывезено с севера Ирака. Один сирийский офицер рассказывал, что военнослужащие некоторых подразделений сирийской армии, бросив оружие, покинули поле боя под натиском джихадистов, которые догнали их и казнили. Причина та же, что и в поведении иракских военнослужащих в Мосуле ранее: молодых и часто неопытных ребят просто охватывает страх перед обезумевшими от религиозного драйва, ничего не боящимися боевиками из ИГ. Однако это не означает, что удивительная до сих пор сплоченность сирийских правительственных войск дала трещину из-за появившегося страха перед неимоверной жестокостью и мотивированностью противника. Скорее, пока можно наблюдать другую тенденцию: даже многие оппозиционно настроенные к режиму сирийцы встают на его сторону для участия в борьбе с ИГ²⁴, а то обстоятельство, что Дамаск так или иначе выступает в роли пусть и не признанного, но все равно де-факто союзника Запада и государств региона, ведущих войну против исламистских ультрарадикалов, несколько увеличивает возможности дипломатического урегули-

---

²³ Experts debate strikes on Islamic State // IranReview.org. 02.10.2014. Available at: <http://www.iranreview.org/content/Documents/Experts-Debate-Strikes-on-Islamic-State.htm> (accessed: 20.02.2015).

²⁴ Christians in Homs province fear jihadist advance // Al-Monitor.com. Available at: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/09/wado-al-nasara-syria-christians-fear-is-advance.html#> (accessed: 20.02.2015).

рования сирийского конфликта. Пока же усугубление многоуровневой разделенности в Сирии переносится и на соседние страны.

В Ливане, где, казалось бы, межконфессиональное квотирование давно завершено, до сих пор продолжаются раздоры вокруг соотношения представительства конфессиональных групп в органах власти и силовых структурах. Так, ливанская пресса недавно писала о конфликте вокруг досрочного присвоения звания в армии и органах безопасности, разгоревшемся в конце 2014 г., за которым стояло соперничество конфессиональных сегментов. Сообщали об обострении противостояния в недрах командования сил внутренней безопасности, для погашения которого было предложено продвигать по службе равнопропорциональным порядком офицеров трех групп — суннитов, шиитов и христиан²⁵.

Несмотря на то что угроза со стороны тех глубоко индоктринированных, беспредельно ожесточившихся в боях в Сирии и приобретших огромный боевой опыт джихадистов, которые будут возвращаться в европейские государства, Турцию и другие страны их происхождения, вроде бы очевидна, западные эксперты продолжают вести бессмысленные споры о том, насколько она реальна. Уже упоминавшиеся Д. Байман и Дж. Шапиро, утверждающие, что серьезной угрозы не существует, приводят в пример первого американского террориста-самоубийцу из Флориды Монера Мохаммада Абусалху, которому его командиры из «Джабхат ан-Нусра» приказали совершить теракт против правительственных сил в Сирии, а не в США, «продемонстрировав тем самым нынешние приоритеты группы» [Buzan, Shapiro, 2014]. Авторы успокаивают читателей данными норвежского эксперта Т. Хегхаммера, подсчитавшего, что только один из каждых девяти вернувшихся боевиков имел намерения совершить теракт в своей стране. Однако январские 2015 г. теракты во Франции полностью опровергают эти благодушные рассуждения. Кроме того, и 11% вернувшихся боевиков достаточно для того, чтобы натворить много бед.

Благодушие привело к тому, что Франция «прозевала» теракты, хотя спецслужбы много знали о радикалах, их готовивших. Правда, в 2014 г. различные французские политические и государственные деятели стали все чаще говорить о возрастании риска террористических атак. Премьер-министр страны Мануэль Вальс в выступлении по каналу «Европа-1» в конце декабря сказал, что никогда еще Франция «не знала столь большой террористической угрозы»²⁶.

²⁵ Ля таркийят истисна'ия хаза аль-'ам // Аль-Ахбар, Бейрут. 25.12.2014 г. С. 3.

²⁶ La France se sent 'plus menace que jamais' par le terrorisme // L'Orient Le Jour. 24.12.2014. P. 10.

В то же время Франсуа Олланд не раз призывал население не паниковать и сохранять хладнокровие²⁷.

Россия последовательно выступает за тесное сотрудничество с Западом в борьбе с международным терроризмом, которое было нарушено нашими западными партнерами в ходе антироссийской кампании во время украинского кризиса. В переживаемый нами период резкого возрастания террористической угрозы для всего мира западные лидеры, в частности президент США Б. Обама, не нашли ничего лучшего, кроме как сравнить мнимую российскую агрессию с джихадом убийц-террористов из ИГ. На саммите НАТО в сентябре 2014 г. члены блока договорились об «эффективном противодействии специфическим вызовам, которые представляют собой угрозы *гибридной войны*». Для такой войны характерна «смешанная тактика», которую якобы используют, с одной стороны, Россия на Украине, с другой — ИГ в Ираке и Сирии; и там, и там будто бы в ходу одни и те же методы — «одновременное использование военных и гражданских инструментов, тайных операций, информационной войны и современных СМИ»²⁸.

Считается, что термин «гибридная война» был впервые введен в оборот генералом Джеймсом Маттисом и отставным офицером Франком Хоффманом в статье, опубликованной в 2005 г. в издании Военно-морского института США. Авторы обозначили этим понятием одновременное использование «негосударственных» методов — «терроризма, повстанчества и наркобизнеса», предоставляющее противникам Запада «асимметричные преимущества»²⁹. Развивая эту мысль в статье, опубликованной в 2007 г. Институтом политических исследований Потомака, Д. Хоффман писал, что гибридная война «соединяет летальность государственного конфликта с фанатичной хронической лихорадкой негосударственной войны»³⁰. Эксперты из лондонского Международного института стратегических исследований отмечали, что джихадисты ИГ в Сирии и Ираке одновременно использовали массивную военную силу, чтобы захватить и удерживать территорию; провозгласили халифат и ввели свою версию шариата; убивали много иракских и сирийских солдат и местных граждан, захватывали заложников и казнили западных журналистов и сотрудников благотворительных миссий; проводили экстенсивную пропагандистскую кампанию,

---

²⁷ Ibidem.

²⁸ Countering hybrid threats: challenges for the West // IISS Comments. Vol. 20. Comment 40. November 2014.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

изготавливая видео и распространяя их через «YouTube» и социальные сети; вербовали западных рекрутов, угрожая странам их происхождения³¹ (аналогия с Россией и Украиной при этом выглядит просто чудовищной).

С 2014 г. джихадисты как на Ближнем Востоке, так и в других регионах стали активнее использовать детей в совершении терактов и показательных казней. В Нигерии в июле 2014 г. была задержана 10-летняя девочка, на которой был «пояс шахида»³², в начале 2015 г. девочка-смертница такого же возраста подорвала себя на рынке, убив 15 человек³³. В Сирии мальчик-казак примерно того же возраста перед камерой выстрелил в упор в затылок двум боевикам — уроженцам Казахстана, обвиненным в том, что они якобы были внедрены ФСБ в ряды исламистов. Кстати, новой тенденцией в последнее время стал рост числа казахов среди боевиков, воюющих в рядах ИГ, что свидетельствует о расширении базы их поддержки за пределами Сирии и Ирака.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что уровень насилия во внутреннем конфликте, степень радикализации и силы исламистского движения выше в тех ближневосточных и средневосточных обществах, которые можно отнести к **глубоко разделенным** и которые стали **объектами силового внешнего вмешательства**. Конечно, этими двумя факторами далеко не исчерпывается список причин, объясняющих резкое обострение конфликтности в регионе, особенно с началом «Арабского пробуждения», или «арабской весны». Тем не менее они явно оказали обостряющее воздействие на конфликтную ситуацию в Ираке, Сирии, Ливии, Афганистане. В Тунисе, где внешнего вмешательства не было, равно как и нет сопоставимой глубины разделенности, удалось добиться стабилизации обстановки, а исламисты приняли результаты выборов, на которых им не удалось победить, и отдали власть. В Египте исламисты были отстранены от управления государством военными, которых поддержало большинство населения.

На наш взгляд, существуют не два, как было указано в начале статьи, а три пути разрешения насильственного конфликта в глу-

---

³¹ Ibidem.

³² В Нигерии арестована 10-летняя девочка-смертница // Новая политика. 31.07.2014 г. Доступ: <http://www.nowopol.ru/-v-nigerii-arestovana-letnyaya-devochka-smertnitsa-text167317.html> (дата обращения: 20.02.2015).

³³ 10-летняя смертница взорвала 10 человек в Нигерии // Day.az. 10.01.2015 г. Доступ: <http://news.day.az/world/547773.html> (дата обращения: 20.02.2015).

боко разделенных обществах. К уже выделенным **интеграционистскому** (основанному на сближении групп с помощью институтов) и **консоционалистскому** (базирующемуся на пропорциональном или равном участии сегментов социума в осуществлении власти (power sharing), федерализме и территориальной автономии) путям следует, очевидно, добавить еще один — **дезинтеграционистский**, предполагающий перекройку межгосударственных границ, сецессию, создание новых государств. Авторы, пишущие о ТГРО, отмечают при этом **важную роль внешних посредников в урегулировании конфликтов** в этих обществах, а также изменений, произошедших в последнее время в соответствующих международных нормах. В частности, речь идет об «ослаблении нормы невмешательства и большей терпимости в отношении сецессии, приведших к значительному росту числа государств в мире» [Guelke, 2012: 12].

Постсаддамовский Ирак избрал консоционалистский путь, добившись некоторых успехов (курдская автономия), но все же не сумев преодолеть разделенность, порождающую насильственное противостояние. Как будет решаться конфликт в Сирии — покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / Отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов; ИВ РАН; факультет мировой политики и ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012.
2. Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999.
3. Кузнецов В.А. Проблема светскости в странах «Арабского пробуждения»: тунисская версия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 39–74.
4. Курдский фактор в региональной геополитике: Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН, 11 марта 2015 г. / Под ред. А.Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
5. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. Политические исследования. 1992. № 1–2. С. 217–225.
6. Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 9–27.
7. Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 4–38.
8. Anderson L. Power-sharing in Kirkuk // Power sharing in deeply divided places / Ed. by J. McEvoy, B. O’Leary. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. P. 364–385.

9. Benini A.A., Moulton L.H. Civilian victims in an asymmetrical conflict: operation Enduring Freedom, Afghanistan // *Journal of Peace Research*. 2004. No. 41 (4). P. 403–422.
10. Bilgin F. Introduction // *Understanding Turkey's Kurdish question* / Ed. by F. Bilgin, A. Sarihan. Lanham: Lexington Books, 2013.
11. Byman D., Shapiro, J. Be afraid. Be a little afraid: the threat of terrorism from Western foreign fighters in Syria and Iraq. Washington, D.C.: Brookings, 2014.
12. Gause F.G., III. Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. Brookings Doha Center Analysis Paper, Number 11, July 2014. Available at: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf> (accessed: 16.02.2015).
13. Guelke A. *Democracy and ethnic conflict: advancing peace in deeply divided societies*. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
14. Guelke A. *Politics in deeply divided societies*. Cambridge: Polity Press, 2012.
15. Gürbüz M. Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey // *Understanding Turkey's Kurdish question* / Ed. by F. Bilgin, A. Sarihan. Lanham: Lexington Books, 2013.
16. Horowitz D. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985.
17. Kumar R. *Negotiating peace in deeply divided societies: a set of simulations*. New Delhi, India: Sage Publications India, 2009.
18. Lijphart A. Consociational democracy // *World Politics*. 1969. No. 21. P. 207–225.
19. McCulloch A. *Power-sharing and political stability in deeply divided societies*. Hoboken: Taylor and Francis, 2014.
20. Murray W., Mansoor P.R. *Hybrid warfare: fighting complex opponents from the ancient world to the present*. New York: Cambridge University Press, 2012.
21. Osman K. *Sectarianism in Iraq: the making of state and nation since 1920*. Routledge, 2015.
22. *Power sharing in deeply divided places* / Ed. by J. McEvoy, B. O'Leary. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013.
23. Seymour R. The 'War on terror' as political violence // *The Ashgate research companion to political violence* / Ed. by M. Breen-Smyth. Farnham, Surrey: Ashgate, 2012.
24. Sisk T.D. *Power sharing and international mediation in ethnic conflicts*. Washington, D.C.: USIP, 1996.
25. Steinberg G. A Chechen al-Qaeda // *Center for Contemporary Conflict*. June 2014. Available at: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/fachpublikationen/sbg_IJU_Strategic_Insights_ks.pdf (accessed: 17.02.2015).

V.V. Naumkin

**DEEPLY DIVIDED SOCIETIES IN THE MIDDLE EAST:
CONFLICT, VIOLENCE, AND FOREIGN INTERVENTION**

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Rising tide of violence in the Middle East has already aggravated all regional conflicts and threatens to spill out of the region. This paper examines the causes of conflict escalation in the Arab world and outlines the most probable scenarios for future regional developments in the context of foreign military interventions. Methodologically the paper draws on the theory of deeply divided societies. It examines criteria used to label a given society as deeply divided and the most common ways to overcome divisions in deeply divided societies. The author emphasizes that although many Arab countries faced deep ethno-confessional, class, and tribal divisions; it was direct foreign military interventions of the Western powers led by the United States that provoked an outbreak of ethnic and religious conflicts in the region. Conflicts in Iraq and Afghanistan illustrate the consequences of such interventions. In this context special attention is paid to the Kurdish question in Turkey, Iraq, and Syria. The author shows that the foreign interventions also led to an unprecedented upsurge in religious fanaticism, most notably, a dramatic rise of the most extremist Islamic group — Islamic State. The conclusion is drawn that while prospects for a peaceful settlement of internal conflicts in deeply divided Middle Eastern societies are fading, the threat of a further spread of international terrorism as a result of military interventions of the Western countries, on the contrary, is growing rapidly.

Keywords: Middle East, deeply divided societies, Islamic State, Iraq, Turkey, Syria, Afghanistan, Kurdish question, Islamic fundamentalism, international terrorism, ethnic conflicts, regime change.

About the author: *Vitalii V. Naumkin* — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vinaumkin@yandex.ru).

REFERENCES

1. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: what comes next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 117–130. (In Russ.)
2. Egorin A.Z. 1999. *Istoriya Livii XX vek* [History of Libya in the 20th century]. Moscow. (In Russ.)

3. Kuznetsov V.A. 2013. Problema svetskosti v stranakh 'Arabskogo probuzhdeniya': tunisskaya versiya [Secularism in the context of Arab Awakening: Tunisian version]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 4, pp. 39–74. (In Russ.)
4. Arbatov A.G. (ed.). 2015. *Kurdsii faktor v regional'noi geopolitike* [Kurdish factor in regional geopolitics]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
5. Lijphart A. 1992. Mnogosostavnye obshchestva i demokraticheskie rezhimy [Plural societies and democratic regimes]. *Polis. Politicheskije issledovaniya*, no. 1–2, pp. 217–225. (In Russ.)
6. Naumkin V.V. 2009. Islamizm, etnichnost' i konflikty: o roli simvolicheskoi politiki [Islamism, ethnicity and conflicts: on the role of symbolic politics]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 1, pp. 9–27. (In Russ.)
7. Yakovlev A.I. 2013. Religiozniy faktor v mirovoi politike v epokhu globalizatsii: ot sekularizatsii k fundamentalizmu [Religious factor in world politics at the age of globalization: from secularization to fundamentalism]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 4, pp. 4–38. (In Russ.)
8. Anderson L. 2013. Power-sharing in Kirkuk. In McEvoy J., O'Leary B. (eds.). *Power sharing in deeply divided places*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, pp. 364–385.
9. Benini A.A., Moulton L.H. 2004. Civilian victims in an asymmetrical conflict: operation Enduring Freedom, Afghanistan. *Journal of Peace Research*, no. 41 (4), pp. 403–422.
10. Bilgin F. 2013. Introduction. In Bilgin F., Sarihan A. *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham, Lexington Books.
11. Byman D., Shapiro J. 2014. *Be afraid. Be a little afraid: the threat of terrorism from Western foreign fighters in Syria and Iraq*. Washington, D.C., Brookings.
12. Gause F.G., III. 2014. Beyond sectarianism: the new Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*, no. 11. Available at: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2014/07/22-beyond-sectarianism-cold-war-gause/english-pdf.pdf> (accessed: 16.02.2015).
13. Guelke A. 2004. *Democracy and ethnic conflict: advancing peace in deeply divided societies*. New York, Palgrave Macmillan.
14. Guelke A. 2012. *Politics in deeply divided societies*. Cambridge, Polity Press.
15. Gürbüz M. 2013. Revitalization of Kurdish Islamic sphere and revival of Hizbullah in Turkey. In Bilgin F., Sarihan A. (eds.). *Understanding Turkey's Kurdish question*. Lanham, Lexington Books.
16. Horowitz D. 1985. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley, University of California Press.
17. Kumar R. 2009. *Negotiating peace in deeply divided societies: a set of simulations*. New Delhi, India, Sage Publications India.
18. Lijphart A. 1969. Consociational democracy. *World Politics*, no. 21, pp. 207–225.
19. McCulloch A. 2014. *Power-sharing and political stability in deeply divided societies*. Hoboken, Taylor and Francis.
20. Murray W., Mansoor P.R. 2012. *Hybrid warfare: fighting complex opponents from the ancient world to the present*. New York, Cambridge University Press.

21. Osman K. 2015. *Sectarianism in Iraq: the making of state and nation since 1920*. Routledge.
22. McEvoy J., O'Leary B. (eds.). 2013. *Power sharing in deeply divided places*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
23. Seymour R. 2012. The 'War on terror' as political violence. In Breen-Smyth M. (ed.). *The Ashgate research companion to political violence*. Farnham, Surrey, Ashgate.
24. Sisk T.D. 1996. *Power sharing and international mediation in ethnic conflicts*. Washington, D.C., USIP.
25. Steinberg G. 2014. A Chechen al-Qaeda. *Center for Contemporary Conflict*. Available at: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/fachpublikationen/sbg_IJU_Strategic_Insights_ks.pdf (accessed: 17.02.2015).